

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ СЕРГЕЕМ ИСАЕВИЧЕМ ГОЛОДОМ

— *Имя Сергея Голода связывается многими в нашей стране с социологией сексуальности и семьи. Это миф о сфере профессиональных исследований Голода или это действительно область Ваших научных интересов?*

— В принципе мои научные интересы по преимуществу сосредоточены действительно на исследовании семьи и сексуальности. Вместе с тем я не пренебрегаю и другими социальными проблемами, так или иначе созвучными с главными, к примеру, гендерными или такими аспектами демографии как рождаемость вне института брака.

— *Можно ли предположить, что выбор предмета размышлений был сознательным? Чем же он вызван?*

— Чтобы сколько-нибудь исчерпывающе ответить на данный вопрос, придется сделать значительный экскурс в историю как моей профессиональной деятельности, так и общественной ситуации, сложившейся в стране в 60–70-е годы.

В последние годы учебы на историко-филологическом факультете пединститута им. А.И. Герцена (конец 50-х годов) я заинтересовался кни-

гой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Меня привлекли те эпизоды, которые характеризовали эпоху «дикости» (промискуитет, групповые формы брака, дуальные системы родства и т.п.). Немецкий социолог при написании указанной части монографии, как известно, опирался на полевые материалы и отчеты корреспондентов американского социального антрополога Л. Моргана. Достоверность части из них к тому моменту ставилась под сомнение как западными, так и российскими этнологами. Дальнейшие разыскания привели меня в XX век. Сначала я для себя открыл опросы сексуального поведения российской молодежи, проводившиеся в промежутке с 1902 по 1928 г., а затем и Отчеты известного американского сексолога А. Кинзи. (Между прочим, прекрасным показателем общественного настроения по отношению к сексуальности в 60–80-е годы может служить то, что публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина рискнула приобрести первый том Отчета Кинзи — о сексуальном поведении мужчины, но уже на второй том — сексуальное поведение женщин у ее начальства духу не хватило.)

Спустя год по окончании вуза так случилось, что меня приняли на работу в социологическую лабораторию при философском факультете ЛГУ. Ее сотрудники исследовали отношение рабочих к труду. Поэтому, естественно, с моими интересами (которые по легенде определялись как «семья») я выглядел «белой вороной». Раскрывая метафору, ограничусь рутинным случаем. Наряду с выполнением повседневной работы, мною продумывался план реализации генерального замысла — собрать эмпирические свидетельства о сексуальных молодежных практиках не централизованных на матримониальном поведении. Проанализировав вопросники российских медиков начала века и текст интервью американского сексолога, я скомпоновал некоего «уродца» и рискнул попросить ведущего лабораторией доц. В.А. Ядова просмотреть его.

После очередных выходных дней Ядов оставил меня для беседы. «Сергей, — сказал он сердитым голосом, — что ты мне тут подsunул? Поехали в воскресенье с женой на пляж, взял с собой твою анкету. Лежу, кругом ходят люди в купальниках и плавках, а я вчитываюсь в твои вопросы, но ведь это — срамота. Если кто-нибудь вдруг заметит, о чем ты спрашиваешь, то что они подумают?» Я попытался возразить: «Но именно это, Владимир Александрович, меня и интересует». Разумеется, каждый из нас остался при своем мнении. Ясно: если один из ведущих социологов страны так отреагировал на проблему, то что станет с обычателем, не говоря уже о чиновнике, когда им попадутся на глаза аналогичные вопросы. В дальнейшем худшие ожидания с лихвой оправдались.

Убедившись в том, что мои научные интересы никоим образом не найдут понимания ни в лаборатории, ни на факультете, как только В.А. Ядов отбыл в длительную командировку в Англию, — я покинул ЛГУ. Шаг был весьма рискованным. В силу того, что я не являлся членом КПСС, около двух лет мне не удавалось найти постоянную работу в вузах. В начале 1965 г. я неожиданно был приглашен на кафедру философии Академии наук (рук. проф. А.Г. Харчев) для проведения сравнительного советско-польского социологического исследования — «Со-

вмещение женщиной семейных и профессиональных ролей». С тех пор и в самом деле одним из моих профессиональных интересов становится институт семьи.

Вместе с тем желание исследовать проблемы сексуальности меня не покидало. Я решил поступить в аспирантуру Института философии АН в сектор «Новых форм труда и быта» (рук. доц. Г.В. Осипов). Сдав заранее все кандидатские экзамены и написав реферат «Куда ведет американская сексуальная революция?», я подал документы в отдел аспирантуры. И с оптимистическим настроем ждал результатов конкурса. Но не тут-то было. Реферат оценили как неудовлетворительный, а проблему — неактуальной. Такой исход меня не только не убил, но даже не отрезвил. Вернувшись домой, подал документы в аспирантуру философского факультета ЛГУ по кафедре «Исторический материализм». И здесь, прямо скажу, я не встретил понимания. Реферат, правда, профессор И.С. Кон оценил на «отлично». (Показательно, в соискательском сочинении не было изменено ни одной запятой. Однако когда я было собрался прояснить эту ситуацию у Осипова, то Кон настоял на том, что этого как раз делать не следует. Нет так нет.) При зачислении в аспирантуру декан факультета (он же заведующий интересовавшей меня кафедры) проф. В.П. Рожин, как будто бы сказал: мы знаем увлечение Голода, он не может с такой темой быть зачислен в аспирантуру. Согласно тем же источникам, ему возразила, отметив актуальность проблемы, доцент С.Н. Иконникова. На что было заявлено: «Вот и возьмите к себе на кафедру». Так я стал аспирантом-заочником кафедры «Этики и эстетики». Определенные трудности возникали и в дальнейшем, скажем, вокруг назначения научного руководителя. Об этом конфликте неоднократно писал И.С. Кон, поэтому нет смысла сколько-нибудь подробно на нем останавливаться. Лишь одно короткое замечание. Игорь Семенович в конце концов согласился разделить руководство с кем-нибудь, и таким «напарником» оказался ученик академика В.М. Бехтерева — профессор В.Н. Мясищев. Казалось бы, все более или менее благополучно завершилось. И тем не менее, мне не давали расслабиться. Еще до начала работы над диссертацией один из официальных «наставников» (И.С. Кон) откровенно заявил: «Исследовать проблему сексуальности будет интересно, но защитить ее вам никогда не удастся». И он не ошибся.

За время, отведенное для написания кандидатской работы, я не только успел проанализировать литературные источники, но и собрать столь желанный эмпирический материал. В те годы, надо сказать, размножение вопросника и сам опрос могли быть осуществлены исключительно *нелегитимно*. Детали сегодня не так интересны, хотя об одном нельзя не напомнить. На протяжении всего цикла подготовки и проведения опроса мне помогали, рискуя своей карьерой, много людей (назову лишь несколько первых, пришедших на ум фамилий — Д. Гушин, В. Лисовский, А. Бороньев, Р. Девяткова, Вл. Орлов, В. Рябчиков) с таким энтузиазмом, которого в настоящее время невозможно себе даже представить.

Весной 1968 г. точно в срок прошла предварительная апробация моей кандидатской работы «Социологические проблемы сексуальной мора-

ли» на заседании кафедры «Этики и эстетики», в результате обсуждения она была рекомендована к защите на Ученом совете философского факультета ЛГУ. К вящему моему сожалению, техническая процедура (подготовка документов, написание и размножение автореферата и т.п.) затянулась надолго. К лету, казалось, все было в ажуре — сдано в газету объявление о защите, разослан автореферат, получены отзывы на диссертацию оппонентов и других рецензентов. Мало того, предполагалось извлечь из вынужденной задержки пользу. Думалось, так как *обязательный* экземпляр автореферата попадет в Обком КПСС в период массовых отпусков, то, тем самым, возрастет вероятность того, что он останется никем не замеченным. Реальность преподнесла злую шутку. Наступил последний месяц лета — август, подтвердилось мнение М. Фуко о сопряженности сексуальности и политики. В Праге расстреляли восставших либералов, в Ленинграде инструктор указанного органа не только «отловил» автореферат, но и взял его домой для семейного штудирования. В результате все завертелось, и лихорадка не проходила многие годы. Рассыпали в «Вечернем Ленинграде» набор объявления о публичной защите, приостановили до «особого распоряжения» саму защиту (она намечалась 24 октября), из большого Ученого Совета ЛГУ затребовали в Обком экземпляр диссертации, на августовском городском совещании преподавателей общественных наук в докладе секретаря ОК было строго указано философскому факультету на его идеологический просчет, а и.о. заведующего кафедры «Этики и эстетики» (доц. Н.В. Рыбаковой) вынесли выговор. Но самое удивительное: никто из работников аппарата не был в состоянии членораздельно сформулировать претензии к соискателю. Когда начался учебный год, и я попытался выяснить у декана факультета (он же председатель диссертационного совета), что мне инкриминируют, в ответ услышал жалкий лепет: много ссылок на А.М. Коллонтай, Ф. Энгельс цитируется не по собранию сочинений, автореферат отпечатан небрежно. Через месяц я обратился к декану вторично за уяснением судьбы кандидатской работы, услышал в ответ: «Надо ждать». На мой отчаянный вопрос: «Мне что, забрать диссертацию?» он с облегчением заметил: «Это был бы самый лучший вариант». Показательно, что из тиража автореферата в 250 экземпляров мне не вернули ни одного. Между тем, к этому моменту большая часть эмпирических данных уже была опубликована И. Коном и мною.

По наивности решил попытать счастья в Москве, обратился в Институт конкретных социальных исследований АН. Летом 1969 г. прошло предварительное обсуждение диссертации в Ленинградских секторах этого института. Соответственно был написан новый автореферат. В марте 1970 г. в «Вечерней Москве» появилось объявление о назначении защиты на 27-е число.

Ленинградский Обком КПСС не переставал тщательно отслеживать все мои действия, направленные на защиту исследования; более того, теперь с ним солидаризировался аппарат ЦК комсомола. Научную работу срочно затребовали в комсомольский бастион. (Это произошло не без пособничества сотрудников секретариата Ученого совета ИКСИ, — в

частности, мне заявили, что из сейфа исчез базовый экземпляр диссертации?!). Первый секретарь ЦК ВЛКСМ (Е. Тяжельников) заявил, что диссертация Голода — «идеологическая диверсия против советской молодежи», и если дирекция института защиту не отменит, то он будет жаловаться в ЦК партии. Окрик возымел действие — незаконное восторжествовало. (Не могу не заметить: через несколько лет стало достоянием широкой общественности, что секретарь молодежного ЦК питал, мягко выражаясь, «слабость» к ведущему солисту Большого театра Союза ССР.)

Перед самым заседанием Ученого совета, когда уже до отказа заполнился конференц-зал, ко мне в коридоре подошел один из моих официальных оппонентов — проф. В.А. Ядов и от своего имени, а также по поручению дирекции ИКСИ попросил отложить защиту «по болезни». В противном случае, утверждал он, меня просто провалят, ибо при ином исходе дела могут закрыть институт, который, разумеется, для «матери истории» дороже. Я согласился «заболеть» при одном условии: когда через полгода будет представлено новое исследование (у меня в издательстве «Наука» лежала рукопись монографии «Профессиональная работа женщин и семья», написанная совместно с А.Г. Харчевым), то дирекция обязуется не препятствовать его защите. На том и порешили. (Надо сказать, что несмотря на трудности — я оставался по-прежнему «под наблюдением» — дирекция условия выполнила.)

Не секрет: защиту нетрудно отменить, но от проблемы, в конечном счете, не уйти. За то время, пока длилась моя одиссея, в США перепечатали ленинградский автореферат, в соавторстве с А.Г. Харчевым в ученых записках НИИКСИ при ЛГУ была опубликована статья под невинным названием «Молодежь и брак», на которую, кстати, моментально откликнулся журнал «Time» рецензией — «Communist Kinseys». Чего же испугались власть предержащие? По сути, ничего крамольного в кандидатском исследовании не было, если не считать того, что советская молодежь, как и всякая другая (что подтверждалось свидетельствами из американских, английских, немецких и датских источников), практиковала нелегитимные сексуальные контакты, не центрированные на матримонимальное поведение, и оценивала это по-разному. В то же время — не в оправдание будет сказано — западная общественность относилась к своим исследователям сексуальности не менее сурово — так, к примеру, А. Кинзи был наказан Комиссией по антиамериканской деятельности, а задолго до этого (в 1929 г.) в Англии «в штывки» была принята книга Б. Рассела «Брак и мораль», кстати, удостоенная через 21 год Нобелевской премии.

— Известно, что близкой проблематикой по социологии семьи занимался в свое время Харчев, социологией сексуальности занимается Кон. Чем отличается Ваш подход в этих отраслях социологии?

— А.Г. Харчев, несомненно, был ведущим специалистом в области социологии семьи 60–80-х годов. Его монография «Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования» (М.: Мысль, 1964) может счи-

таться лучшей книгой данного профиля середины века. Я не стану сколько-нибудь подробно останавливаться на его взглядах, они уже достаточно полно освещены в научной литературе. Ограничусь лишь небольшой репликой. Мне довелось работать с профессором Харчевым в течение 5–6 лет. Под его руководством я исследовал довольно частную, но актуальную по тем временам тему — возможность эффективного совмещения женщиной профессиональных и семейных ролей. Злободневность проблемы подтверждается уже тем, что наша монография, лишь только увидев свет (1971 г.), стала объектом интереса многих зарубежных коллег (и издателей). Так, она была опубликована на английском, немецком, испанском, итальянском и японском языках; нам были заказаны (и опубликованы) по тем же сюжетам статьи в Бельгии, Венгрии и Польше. Правда, как мною уже неоднократно отмечалось, исследование имело по меньшей мере один существенный недостаток — женские роли рассматривались в отрыве от соответствующих мужских. Этот ляпсус тем более трудно оправдать, что в российской социологии на нераздельность судеб женщин и мужчин указывал еще В. Хвостов.

Что же касается собственной концепции Харчева, то он развивал тезис Ф. Энгельса о двоякого рода производстве и воспроизводстве непосредственной жизни, привязав семью к воспроизводству человека в интересах функционирования общества. Социолог настаивал на необходимости различать, с одной стороны, специфические функции, вытекающие из сущности семьи и отражающие ее особенности как социального явления (деторождение и социализация детей), с другой — такие функции, к выполнению которых семью принудили определенные исторические обстоятельства (накопление и передача по наследству частной собственности, организация производства, потребления и быта и т.д.). Короче, это не что иное, как функциональная парадигма.

Мною же была разработана концепция исторических типов семьи (в духе М. Вебера), которая акцентировала имманентные закономерности развития семьи. Суть концепции состоит в том, что основное внимание уделяется структуре и характеру внутрисемейных отношений, конституирующих семью — кровному родству, порождению и свойствам — в их исторической динамике. При этом учитывается влияние исторических тенденций общественного развития в целом, с одной стороны, и исторического развития индивидуальности — с другой. Констатируется, что процессы и явления, происходящие в брачной, сексуальной и прокреативной сферах, обнаруженные к середине XX столетия, уже не могут интерпретироваться однозначно как отклонение от нормы, а должны, скорее, рассматриваться как признак существенных и необратимых трансформационных сдвигов в самом институте семьи. Таковы, в частности, тенденции к снижению общей рождаемости, малодетности, сознательной бездетности, роста внебрачной рождаемости, появления многообразных альтернативных (моногамных) моделей (*incomplete, maternal, cohabit, remarriage, stepfamily, «Goodwin»-marriage* и т.п.), характерных для индустриально развитых стран, в число которых, несомненно, входит и Россия.

Теперь столь же сжатая, по возможности, реплика о деятельности И.С. Кона. До 1965 г., т.е. до того момента, как Игорю Семеновичу пришлось стать моим научным руководителем, он вовсе не интересовался вопросами сексуального поведения. Больше того, судя по одной из его публикаций, за несколько лет до нашего «сговора», ему на актуальность данной проблемы указал С. Артановский. Однако Кон посчитал ее не заслуживающей теоретического внимания, решаемой каждым индивидом в повседневных практиках. Словом, «соблазнение», которое не удалось С. Артановскому, удалось — С. Голоду. И.С. Кон, будучи человеком обязательным и профессиональным, посчитал: коль скоро он взялся за руководство соискателем, то, естественно, должен изучить специальную литературу. И за короткое время прочел столько, сколько я не смог одолеть за всю прошедшую жизнь, да и не сомневаюсь, не сделаю этого до конца своих дней.

Наши поиски и конструкты отличны, как минимум, в двух пунктах. Игорь Семенович пытается создать новую науку — *сексологию*, о чем он заявил в первой же профильной монографии — «Введение в сексологию» (М.: Медицина, 1988). «Сексология, — согласно Кону, — область научных исследований и знаний о половой жизни». И далее: «Современная сексология ... — это не единая наука, а комплекс разнородных исследований». Отсюда понятен интерес социолога к генетике, биологии, психологии детства, исторической демографии, этнографии и т.п. Мои претензии более скромны, хотя тоже достаточно амбициозны. Я попытался высветить основные этапы и очертить круг проблем одной из частных социологических дисциплин — *социологии сексуальных отношений*. Достижение каждой из задач требовало, разумеется, специфического отбора и осмысления исходного материала: Коном акцент делался на вторичном анализе; мною — на первичном, главным образом целенаправленно собранных эмпирических данных. В частности, я вычленил для России XX в. характерные периоды бытования сексуальных практик:

- эмансипация сексуальности (рубеж XIX–XX столетий);
- «дионисийство» (20-е годы);
- «евнуховидность» (30–60-е годы);
- сексуальный ренессанс (с середины 70-х годов).

Вместе с тем, несмотря на различие задач, анализируемых источников, количества опубликованных монографий и Кону, и мне удалось в конечном счете подтвердить справедливость следующего посыла М. Фуко: «...Попытка говорить о сексе свободно и принимать секс в его реальности столь чужда основной линии всей, теперь уже тысячелетней, истории и к тому же столь враждебна присущим власти механизмам, что затея эта, прежде чем достичь успеха в своем деле, обречена на долгое топтание на месте». Как говорить, здесь ничего не добавить, не убавить.

— *Что Вам удалось достичь в данной области науки? Каковы те результаты, которые составляют Ваш вклад?*

— Я уже по мере ответов на Ваши предыдущие вопросы пытался об этом говорить. Сейчас лаконично остановлюсь на основных моих «вкладах» в исследования проблем секса и семьи.

Меня, начиная с незащищенного кандидатского сочинения, интересовала главным образом трансформация сексуальной морали. Вслед за Сенекой я готов утверждать: что было пороками, то стало нравами. Разъясню эту максиму. Вплоть до конца XIX столетия в России ансамбль сексуальных практик регулировался — помимо правил, детерминированных обычаями, — двумя кодексами: христианским и законодательным. Они фиксировали, каждый по-своему, разделение на законное и незаконное. Важно подчеркнуть: как обычаи, так и кодексы были *центрированы на матримониальные отношения*. Говоря схематично, осуждались и нарушение супружеского долга, и поиск нешаблонных удовольствий; в реестре прегрешений числились, различаясь лишь по степени значимости, адюльтер, инцест, зоофилия, уранизм и даже избегание репродуктивной финальности (наиболее известным «мошеничеством» считался *coitus interruptus*). Суды с одинаковой вероятностью могли вынести приговор как за гомосексуализм, так и адюльтер, как за браки «самокруткой», так и за скотоложество. Лишь к началу XX в. наблюдатели отмечают медленное и противоречивое рождение автономии имманентных правил сексуальности от соответствующих законов матримониальности.

Лично мне, опираясь на статистические и опросные данные, удалось уловить процесс автономизации трех, некогда слитных видов поведения, — брачного, сексуального и прокреативного. Выражаясь упрощенно, в традиционном обществе предполагалось (и это совпадало с реальностью), что человек (будь то мужчина или женщина) сначала вступал в брак, затем в сексуальные отношения, в результате естественным образом появлялся ребенок. В современных условиях можно вступить в брак, но и безбрачие не воспринимается окружением как аномальное состояние; вступив все же в брак, необязательно воспроизводить потомство, некоторые молодые пары считают бездетность даже определенным преимуществом; столь же необязателен официальный брачный союз для детопроизводства — каждый третий ребенок в России рожден в конце XX столетия вне брака; и наконец, получили массовое распространение среди городской молодежи нелегитимные сексуальные практики, не центрированные на брак и прокреацию. Больше того, адюльтер обывателем не воспринимается однозначно как измена клятве в «вечной верности». Таким образом, утрачивается *монополия* брака как контролирующей инстанции за сексуальностью и репродукцией.

Конкретным показателем трансформации моногамной семьи, по моему убеждению, является существенное изменение модели матримониального поведения — а именно, переход от «сватовства» к «ухаживанию». Зарождение избирательности в предбрачный период предопределило новую семейную стратегию. Коль скоро выбор — основа личности, то совместное проживание мужа и жены (родителей и детей) в условиях отсутствия раз и навсегда закрепленных экспектаций и ролей требует *адаптации* их индивидуальных планов, претензий и поведенческих стереотипов относительно друг друга. Применительно к рассматриваемой проблеме должен возникнуть ряд тесно связанных между собой приспособительных отношений, каждое из которых в большей или меньшей

(но непременно значимой) степени оказывает воздействие на устойчивость семьи. Судя по моим эмпирическим материалам, существуют, по меньшей мере, семь адаптационных ниш: психологическая, духовная, бытовая, сексуальная, информационная, родственная и культурная. Эти ниши имеют подвижную иерархизированную структуру, сдвиги в ней детерминируются стадией эволюции индивидуальной семьи. Адаптация, метафорически говоря, отражает внешний поведенческий слой отношений, более глубокий — *интимность*. Когда речь идет об интимности как атрибуте супружества, то подразумевается, что индивидуальности мужа и жены не только не противопоставляют их друг другу, а наоборот, благодаря созвучию экзистенциальных ценностей, способствуют более тесному их сближению. При этом ценности адаптации и интимности не просто сосуществуют, но и составляют единую структуру, объединяющую мужа и жену и по внешнему поведенческому контуру, и по внутриличностным каналам, образуя тем самым как бы два слоя, стабилизирующих семью. Однако при этом непременно остается «зазор», т.е. потенциальная возможность нарушения равновесия во имя развития, которое осуществляется через раскрытие индивидуального своеобразия каждого из брачных партнеров. Скажу яснее: до какого-то момента совместного проживания то или иное сочетание адаптивных и интимных элементов создает благоприятную брачную ситуацию, но на определенной стадии развития индивидуальной семьи жизнь супругов друг для друга становится недостаточной, исчерпывает себя. Чтобы избежать такого развития событий, способность к адаптации и интимности нуждается в контрасте. Такой контрастирующей, отвечающей за перманентное обновление семьи ценностью и является супружеская *автономия*. Автономия выражается в том, что интересы мужа и жены разнообразнее семейных, а потребности и круг общения каждого из партнеров выходят за рамки брака. Их экспрессивные устремления регулируются не столько обычаями и традициями, сколько психофизиологическим своеобразием, конвенциональными нравственными принципами и эстетическим идеалом.

— *Насколько изменилось положение в социологии семьи в России в конце 1990-х годов?*

— Самый яркий (и плодотворный) период в исследовании семьи второй половины XX столетия, без сомнения, пришелся на конец 70-х—начало 80-х годов. На этот промежуток выпала интенсивная институализация социологии семьи: возникают многочисленные центры — в Ленинграде (А. Харчев), Москве (З. Янкова, А. Волков), Вильнюсе (Н. Соловьев), Риге (П. Эглите), Тарту (Э. Тиит), Минске (Н. Юркевич) и т.д., систематически проводятся конференции, как международные, так и всесоюзные (Москва, Вильнюс, Каунас, Минск, Киев, Ереван, Душанбе). Семейная тематика оказалась в поле зрения социологов, демографов, психологов, педагогов и даже философов. Основной корпус работ социологов приходился на конец 70-х—начало 80-х годов. Полагаю, это связано, во-первых, с осознанием исследователями серьезности проблем,

с которыми на практике столкнулась индивидуальная семья; во-вторых, в периоды общественной стагнации изучение института семьи многим специалистам виделось наименее опасным, внешне далеким от политики и идеологии и, в-третьих, у ряда научных сотрудников внимание к семье и браку тесно сопряжено с их интересом к методологии социологических исследований. В самом деле, семья является идеальным объектом для теоретических манипуляций, так как сочетает в себе многие существенные черты социальной системы в целом, социального института и малой группы.

По мере демократизации общества (с начала 90-х годов) постепенно не только уменьшается представительство наук, уделяющих внимание проблемам семьи, но и среди наиболее заинтересованных сотрудников — социологов и демографов — сужается исследовательское поле: интерес главным образом сосредоточен на «кризисных» явлениях — супружеских конфликтах, разводах, бездетности, неблагополучном отцовстве и т.п. Все это не могло не сказаться напрямую на интенсивности и глубине публикаций, резком снижении количества защищаемых кандидатских, а особенно докторских диссертаций, на проведении сколько-нибудь эффективных конференций; однако главное — произошло резкое снижение количества центров по исследованию и преподаванию социологии семьи (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Нижний Новгород и Рязань), и то, и другое, и третье сегодня поддерживаются плечами энтузиастов.

— Существуют ли в России и за рубежом самостоятельные научные школы по проблемам социологии семьи? Что это за школы (или группы), каковы их принципы, позиции и достижения?

— Трудно что-то однозначно поведать о «школах семьи». О каких школах Вы ведете речь: о формально признанных или фактических? Разумеется, эти понятия не тождественны. Так, в официальном справочнике «Ведущие научные школы России» (М.: «Янус-К», 1998) утверждается, что «научные школы — это структуры исконно отечественные, не имеющие аналогов в мире». И это во многом похоже на правду. Для иллюстрации своей мысли сосредоточу внимание на Франции. Как хорошо известно, в стране под руководством Марка Блоха и Люсьена Февра с 1929 г. издавался журнал «Анналы экономической и социально истории», вокруг которого собралась группа исследователей, выдвигавших идеал истории массовых явлений. Чем это не школа? Или другой пример, относящийся непосредственно к социологии семьи. Долгие годы профессором Сорбонны состоял европейски известный демосоциолог Луис Руссель (одновременно он служил во Французском национальном институте демографических исследований — ИНЕД). Формально никакой школы за ним не числилось, но фактически он являлся одним из лидеров исследования западной семьи, очевидно, поэтому все, кто работал или писал диссертационные сочинения под его руководством отзывались о профессоре с теплотой, как об Учителе. В этой связи можно упомянуть сотрудников различных столичных центров: демографа Ирэн Тери, специалиста по stepfamily и разводам или Андре Бежена, занима-

ющегося социологией сексуальности. Зададимся вопросом: каким образом демосоциологии удавалось объединить неформально столь различных по интересам людей? Я полагаю, только благодаря гибкому мировидению (*mentalité*). Л. Руссель сконструировал идеальную форму семьи — «семья-клуб» (*la famille-club*), которая базируется на непринужденной «мягкой» солидарности между мужем и женой. Термин буквально не переводится на русский. Смысл его вот в чем. В подобном союзе не претендуют на великую любовь, супруги главным образом ищут доброго согласия, баланса страдания и удовольствия, решения принимаются в результате предварительных переговоров. Ребенка во многом воспринимают как партнера, за которым признаются определенные права, но и ожидают взамен получить «воздаяние». Словом, речь идет об общности, функционирующей на основе своего рода контракта, и достаточно одному из супругов отречься от него, чтобы договор утратил силу. Обозначенная модель, стало быть, является по сути «отменяемой», разрыв принимает характер не краха или провала, а эвентуальности, всегда возможной в соответствии с принятыми условиями. Поэтому в данном случае «законный» брак и «свободный» союз (*cohabit*) почти не различаются. Выбор между этими двумя моделями брака связан скорее с соображениями удобства, нежели с принципами. Вернемся, однако, на нашу почву.

Согласно все тому же справочнику, среди трех представленных здесь социологических школ — одна относится к институте семьи; право же, через четыре года (таков был срок гранта) из социологических проектов был поддержан исключительно «семейный». Суть проекта, как мне представляется, четко определена его названием — «Российская семья в XX столетии: теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование». Содержательно раскрывать идею, по-моему, нет смысла, ибо это будет повторением того, что уже сказано выше относительно поисков в области трансформирующейся семейной системы.

— Когда Вы были избраны и как долго были директором Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН? Теперь Вы являетесь директором-организатором самостоятельного Социологического института РАН в Санкт-Петербурге. Какова ситуация в настоящее время?

— В принципе, согласно Уставу РАН, директоров филиалов не выбирают, а назначают руководители головных институтов и ставят об этом в известность соответствующее Отделение. В нашем конкретном случае пошли на «либерализацию» процедуры: сначала устроили выборы в научном коллективе филиала (уточню — выбирать в принципе оказалось не из кого — претендент был один), а затем директор Института социологии (г. Москва) профессор В.А. Ядов издал соответствующий приказ. Это произошло в марте 1996 г.

В январе 2000 г., после тщательной предварительной подготовки как в рамках института, так и Отделения, Президиум РАН постановил: создать на базе филиала самостоятельный Социологический институт в г. Санкт-Петербурге. Кстати, как свидетельствует история, — это было «голубой мечтой» классиков российской социологии, живших и работавших в на-

шем городе в первой четверти XX столетия — П. Сорокина, Н. Тимашева, Ж. Гурвича. Грандиозность свершившегося факта — создание академического Социологического института за пределами Москвы — многими исследователями будет осознана еще нескоро. Но это их не красит.

Сам переход из одного статуса в другой, более высокий, окажется непростым и протяженным. Дело в том, что основные новеллы, заданные Президиумом для нового социологического подразделения, не вполне совпадают с прежними. Уставом института закреплены те исследовательские ниши, которые по большому счету характеризуют петербургскую академическую социологию последнего десятилетия (к примеру, социология девиантного поведения, история российской социологии, социология здоровья, социология и социальная психология морали). Вместе с тем предполагается сохранить и развить:

— *систему мотивации труда научных сотрудников* (привязка надбавок и премий к личному вкладу работника и подразделения в целом; конкурс опубликованных научными сотрудниками работ (монографий и статей) с сохранением значительных размеров премий за лучшие работы; оказание посильной помощи со стороны Института в подготовке публикаций);

— *интеграцию с высшей школой* (совместная подготовка студентов и аспирантов — создание базовых кафедр, чтение лекций, практика, подготовка программ и учебно-методических пособий; проведение совместных научных исследований и семинаров; издание совместного с факультетом социологии СПбГУ журнала; продолжение совместной издательской деятельности с СПбГУ; продолжение научного сотрудничества с факультетом социологии и другими вузами в рамках гранта «Интеграция»);

— *повышение квалификации научных сотрудников*: активизация работы аспирантуры и докторского диссертационного совета в интересах обеспечения кадрами перспективных научных направлений, обозначенных Президиумом РАН как для института, так и для другим научных и учебных заведений;

— *функции координации социологических исследований* по направлениям, профильным для Института.

В целом можно констатировать, что процедура административного формирования института активно запущена (учреждение получило государственную регистрацию, включено в список институтов РАН, прошел первый этап выборов директора и т.п.), хуже обстоят дела с научной составляющей — с трудом преодолевается «исэповская» затхлость, которая, по всей вероятности, и явится тормозом окончательной реструктуризации филиала в полноценный институт.

— *Есть ли необходимость существования академического социологического института наряду с Институтом региональной экономики РАН, с набирающими силу коммерческими исследовательскими центрами, например, Центром независимых социальных исследований, Той-Опион, КОМКОН и др.?*

— Хороший вопрос. По правде говоря, Вы задали два вопроса. Отвечу по порядку. Сначала о параллельном существовании двух академичес-

ких институтов. Исходя даже из названий очевидно, что у них различны *предметы* изучения; поэтому они и приписаны, соответственно, к Отделениям философии, социологии и права и к Отделению экономики, но, с другой стороны, их объединяет *объект* исследования: согласно Уставу РАН, его институты ориентированы по преимуществу на исследования *фундаментальных* процессов.

Теперь о сосуществовании академических институтов и, как Вы выразились, «набирающими силу» коммерческими центрами. По-видимому, с подачи средств массовой информации обыватель за социологию, как правило, принимает изучение общественного мнения. Отсюда следует, что наиболее выдающиеся социологи современности — это Гэллуп (США) или Харрис (США), а вовсе не Э. Гидденс (Англия) или Л. Тевено (Франция). Я полагаю: Вам, профессионалу не надо доказывать абсурдность такого предпочтения. Само собой разумеется, публике любопытно знать (своего рода вуйеризм), кто из политиков или общественных деятелей на сколько процентов «тянет», как относится «простой» народ к той или иной партии или движению, «чистоте» русского языка или показу по телевидению порнографической продукции и т.п. И если это и называть социологией, то только «клиентурной». Коммерческие центры предпочитают акцентировать свою «независимость», и это делается потому, что они фактически в той или иной степени ангажированы; при этом, чем более ангажирована организация, тем значительнее манифестируется «независимость». Социолог-«академик» озабочен другим. Будучи обреченным, по определению, на нищенство, он может без суеты доказательно исследовать не то, что нужно какому-либо «благодетелю», а те фундаментальные процессы, которые детерминируют общественные трансформации вообще или отдельных социальных институтов в частности. Закljučая ответ на Ваш вопрос, афористически стажу: «Богу — богово, кесарю — кесарево». Необходимы ли дальнейшие разъяснения?

Интервью провел В.В. Козловский

Краткая биография

Голод Сергей Исаевич родился в г. Биробиджане Хабаровского края 16 февраля 1935 г.

1962 г. — окончил исторический факультет Педагогического института им. А.И. Герцена в г. Ленинграде.

1963 г. — лаборант социологической лаборатории при философском факультете ЛГУ (рук. доц. В.А. Ядов). Участвовал в заключительной фазе опроса и начальном анализе материалов, которые впоследствии были опубликованы как монография «Человек и его работа». Научные интересы определились уже в это время — социология семьи и сексуальных отношений.

1964–1965 гг. — преподавал исторический материализм и этику в вузах г. Ленинграда.

С марта — 1965 г. м.н.с. на кафедре философии АН СССР (рук. проф. А.Г. Харчев).

1965–1970 гг. — совместно с польскими коллегами провел межкультурное сравнительное исследование «Совмещение профессиональных и семейных ролей женщиной». Результаты исследования опубликованы в монографии, изданной в издательстве «Наука» (1971 г.).

1965–1968 гг. — заочная аспирантура философского факультета ЛГУ. Представлена на кафедре «Этики и эстетики» диссертационная работа «Социологические проблемы сексуальной морали» (рук. проф. В.Н. Мясичев, проф. С.И. Кон). Диссертация была рекомендована в 1968 г. к защите, но затем по требованию ОК КПСС снята с защиты. Автореферат опубликован в США (1969 г.). Во второй раз защита отменялась в ИКСИ (Москва) по требованию первого секретаря ЦК ВЛКСМ.

1970 г. — представил к защите диссертацию «Профессиональная работа женщин и семья», которая в том же году была защищена в ИКСИ. Присвоена степень кандидата философских наук (по социологии).

1970–1975 гг. — работал на кафедре философии (далее в секторах философии Института философии АН СССР), когда в результате слияния ряда академических учреждений организованся Институт социально-экономических проблем АН СССР (ИСЭП).

1975–1989 гг. — работа в ИСЭП. Тема исследований — проблемы формирования семьи (ухаживание, мотивы заключения брака и т.д.), затем — проблемы семейной стабильности (конфликты, разводы, отношения супругов и т.д.). Трижды были опрошены (1978, 1981, 1990 гг.) супружеские пары (каждый раз по 250) в возрасте от 20 до 40 лет. На базе данных и теоретических размышлений написана монография «Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты», которая опубликована в издательстве «Наука» в 1984 г.

1984 г. — закончил докторскую диссертацию, а в 1987 г. ее защитил в Институте социологических исследований АН СССР. В том же году присуждена степень доктора философских наук (по социологии).

1987 г. — организовал исследовательскую группу «Семья и социальное воспроизводство человека». Через два года эта группа влилась в новый институт — С.-Петербургский филиал Института социологии РАН (ИС РАН).

С 1989 г. — работа в ИС РАН. Рамки исследования группы расширились, в связи с чем она переименована — «Социология семьи, гендерных и сексуальных отношений». В настоящее время в исследовательском коллективе 5 человек, работающих над двумя проблемами: «Российская семья на рубеже XXI в.» и «Социологический анализ тенденций массового сексуального поведения в России во второй половине XX века».

Апрель 1996 г. — избран директором ИС РАН.

Январь 2000 г. — назначен директором-организатором Социологического института РАН (СИ РАН).

С 2002 г. — профессор факультета социологии СПбГУ.

Избранная библиография

Профессиональная работа женщин и семья. Л.: Наука, 1971 (в соавт. с А.Г. Харчевым).

Стабильность семьи: Социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984.

XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996.

Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998.

Социологические исследования проституции в России. СПб.: Петрополис, 1998 (в соавт. с И.А. Голосенко).

Лекции по истории сексуальности. СПб.: Петрополис, 2002.

Досуг и культура молодого рабочего. Л.: Знание, 1977 (в соавт. с Э.В. Соколовым).

Социально-психологические проблемы проституции. М.: Знание, 1988.

Личная жизнь: Любовь, отношения полов. Л.: Знание, 1990.

Будущая семья: Какова она? М.: Знание, 1990.

Состояние и перспективы развития семьи: Теоретико-типологический анализ: Эмпирическое обоснование. СПб.: СПб ФИС РАН, 1984.